

#1

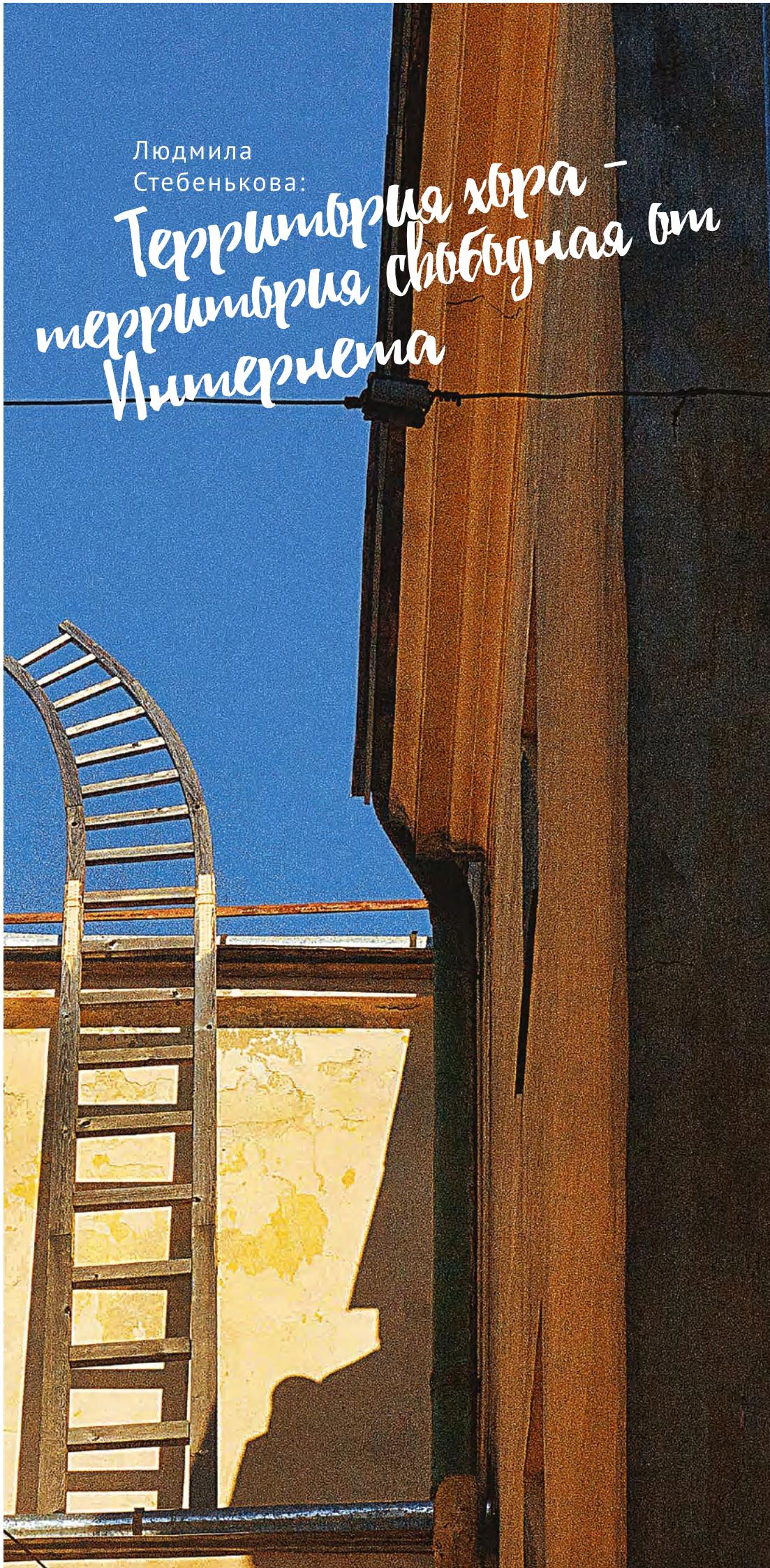
Образование БУДУЩЕГО

журнал для *образованных* горожан

Октябрь
2016

Образование Будущего

Людмила
Стебенькова:

Терримбрия хора –
терримбрия сибирской быт
Шимериста

«Красноярский детский хор» под руководством Стебеньковой Людмилы Гельмутовны стал победителем в Международном музыкальном конкурсе «EN-KOR» в категории «Хоры». ENKOR – это первый глобальный интернет-конкурс исполнителей классической музыки, единственный конкурс, в составе которого сотни членов жюри с пяти континентов, и один из немногих с прозрачным судейством и оценочной системой. Среди сотен присланных на конкурс видео, Красноярский детский хор стал единственным, кого отметил жюри. Второе и третье место в данной категории никому не присудили.

Людмила Стебенькова

заслуженный работник культуры РФ, художественный руководитель образцового коллектива «Красноярский Детский Хор» (КДХ), лауреата международных, всесоюзных и всероссийских конкурсов.

Беседу ведет Дмитрий Шалимов.

Людмила Гельмутовна, сколько же лет в этом году исполняется вашему хоровому коллективу?

45 лет. Это самый старейший детский коллектив в Красноярском крае.

Если сравнивать советскую эпоху и сегодняшний день, сильное ли отличие детей, которые приходят в коллектив? Или хоровое творчество удерживает единые рамки развития, и дети приходят все время с одним и тем же настроем?

Сейчас другое отношение, дети очень информированы обо всем. В Советское время не было Интернета, мобильных устройств, гаджетов, где они могли почерпнуть любую информацию. И вся эта информационная революция забирает детей из нашего поля. Для того чтобы спеть среднего уровня сложно сти произведение, нужно очень много работать. А для того, чтобы получить информацию с гаджета, нужно просто нажать на кнопку. И часть моей работы состоит в том, чтобы бороться с этим. Я даже просила нарисовать значок «Территория хора – территория свободная от Интернета». Приходится эту трудность преодолевать, чего в Советский период не было и быть не могло. Для детей советского периода хор был совершенно иным. Одна из моих учениц прошлых лет как-то мне сказала: «Я встала сегодня рано утром и не понимаю, почему мне так хорошо, я бегу в школу и вспоминаю, сегодня будет хор». Это были совершенно другие люди, у них это был свет в окошке. А сейчас у современных детей столько много света, что они теряются.

Я все время призываю, –зываю работать. В коллективе собраны дети от 10 до 17 лет, с самыми разными способностями и разной музыкальной подготовкой, но они поют одну и ту же программу. Для того чтобы ее сделать на достойном уровне, нам приходится очень много работать. Мы берем количеством репетиций, количеством

времени, потраченным на блестящий результат. К сожалению, дети эпохи поп-корна работать не хотят. Хотя те наши ученики и ученицы, которые воспитаны в хоре, иногда, когда я в сорок пятый раз обращаюсь к одному и тому же элементу программы, который меня не устраивает, хоть и изнывают, но на мой призыв, что можно убрать концерт Бортнянского из программы, отвечают отказом. Вкус и эталон у них воспитан. Мой перфекционизм здесь играет большую роль – или делать лучше всех или не делать никак – это должно стать нормой не только для хора, но и для их жизни.

Все мы помним, что в Советском Союзе хоры пели очень много неплохих, мелодичных пионерских песен. И сейчас я наблюдаю, что на детских праздниках опять звучит то же самое...

Потому что других нет.

Но вы назвали фамилию создателя классического типа русского хорового концерта – Дмитрия Степановича Бортнянского. Эта перемена репертуара произошла благодаря тому, что стало можно или благодаря тому, что стало больше музыкальных возможностей?

Знаете, я очень советский человек. Я безмерно люблю свою Родину. Когда-то мы с детьми ездили по проекту «Посольство дружбы» в 1989 году в США. И мы были единственными шестнадцатью советскими людьми в огромном самолете, которые точно знали, что вернутся обратно. Все остальные летели туда: они пили вино, радовались «Прощай, немытая Россия». Только одни мы знали, что вернемся.

Там мы выступали в Массачусетском университете и пели Римского-Корсакова – арию Снегурочки, песню Леля. И студенты, понимая, что больше нас не увидят, срывали с себя тёлстовки, чтобы подарить нашим детям на память в знак благодарности за наше творчество.

**Посмотреть выступление коллектива можно на видеоканале «ЦТРИГО»:
<https://goo.gl/3ud5He>**

Горизонты реализации креативных идей //

Мне же там предложили остатся работать. А у меня даже в мыслях не было, что я могу уехать и работать там. Эти советские песни Евгения Крылатова, Юрия Чичкова были настолько патриотичны. А что в них плохого? Они были... и были настоящими! В те времена я безумно любила подобные песни, но всегда пела и духовную музыку.

Эта потребность делать хоровые концерты возникла у меня давно. Сначала мы пели в городском дворце пионеров, потом вышли на сцену краевой филармонии, где много пели духовной музыки. Это самое главное, чтобы в репертуаре хора была народная и духовная музыка. Тогда можно сделать хор. Там выстраивается вся логика хорового пения – это многое лосие, этот размеренный темп... Столько много нужно услышать и понять, в легкой песенке все го этого нет, и самого главного не прочувствуешь. Я поняла, что это наше особенное пение с таким строем и изложением в музыке дает высокое качество хорового звучания. Дети хорошо слышат вертикаль, развивается слух, они слышат ансамбль внутри партий. И это самое главное. Это залог успеха.

У нас была очень большая удача, когда нас в 80-х пригласили для сотрудничества с красноярским симфоническим оркестром. Сначала мы пели детские оперы – опера «Игра» Пауля Хиндемита, где дети были одновременно и исполнителями, и актерами. Потом мы спели сложнейшую оперу «Майдодыр» Юрия Левитина с солистами Оперного театра. Когда мы выполнили их заказ, мы предложили свою программу, нам ее оркестровали, мы долго пели с нашим Красноярским оркестром, было много концертов. В 1989 году был записан альбом из двух грампластинок.

В Америке мне подарили ноты Моцарта «Аллилуя». В Советском союзе было трудно что-то найти, я сделала переложение и впоследствии мы записали это произведение вместе с Симфоническим оркестром.

Склонность к репертуару

классическому, народному, духовному была у меня всегда. А патриотические песни я очень любила. Мы часто участвовали в приветствиях и, заходя в зал, пели песни местных «придворных» поэтов. И мне, чтобы не терять своего лица, приходилось в классе «обхихикивать» все это. И я говорила, что это надо сделать, как бы не было смешно. Изменить я ничего не могла.

Ваш коллектив был участником IX Хоровой Олимпиады в Сочи, поделитесь своими впечатлениями?

Про Сочи... Мы на эту Олимпиаду попали случайно. Мы хотели отдохнуть после курса в Греции, где получили Гран-при и начать готовиться к своему 45-летию. Я поздравила спонсора с 23 февраля, и он спросил: не собираемся ли мы на хоровую Олимпиаду в Сочи, что это очень патриотично петь не за рубежом, а у себя на Родине. Так началась подготовка, которая длилась май-июнь. И там были очень сложные условия. Есть 20 минут, за которые нужно спеть четыре произведения. И поскольку готовиться мы начали поздно, то смогли взять своей программой лишь 12 минут. На каком-то подъеме мы все это собрали. Золотой репертуар все равно держится, репертуар который поют в хоре и 20 лет назад и сейчас. Поэтому нет сложности, что спеть.

Коллективов было много, Олимпийский стадион был полон участников, награждение длилось около четырех часов. Был еще и открытый конкурс, куда приезжали участники, чтобы их просто оценило профессиональное жюри. И это было прекрасно. А вот сама организация была не на высоте, что меня как музыканта потрясло. Мы в 2012 году были на конкурсе в Испании, небольшой городок Калелла. Огромная гостиница полная поющего народа. Был парад участников, где все собираются со своими знаменами, атрибутикой. Вдоль дорог собираются люди, и лавина из поющих людей идет мимо них и поет, так за время парада мож-

Образование Будущего

но прослушать целый концерт. Душа рвется, на это глядя.

Что было в Сочи – дорога от Зимнего театра до Морского порта. Через каждые 500 метров стоит огромный динамик и из него играет ламбада, валенки, макарена, еще что-то. Петь не дали. Коллективы пробивались сквозь этот рев, чтобы что-то спеть. Люди свешивались с алей, чтобы послушать тех, кто идет в параде и не могли. А вот то, что в одном месте собирались люди, которые были на одной волне – это классно.

Вы в хор, Людмила Гельмутовна, каких-то особых детей берете?

Самых обыкновенных. Скажу больше, даже тех, кого из других хоров повыгоняли! Это они – «бездари» и «охламоны» – по том первые места на конкурсах занимают.

Думаете, вам поверят?

Записывайте мое обращение: дети, приходите к нам в хор! Мы всех примем и научим петь! Это – шанс увидеть Великие Озера и Кордильеры собственными глазами, а не на картинке в учебнике географии.

То есть у вас запоет любой?

Для этого, по большому счету, нужно только раз отравиться ядом сцены и вкусить аплодисменты зрителей.

Я думал, нужен голос и музыкальный слух – в первую очередь.

Прекрасно, если все это будет! У меня есть потрясающие одаренные дети, и есть – просто дети. Так вот, вторые, в погоне за первыми, порой достигают удивительных результатов! И открывшийся голос, бывает, срывается, что они находят внутри себя.

Во что же вы сами верите?

В удачу.

Это ответ завистникам?

Говорят, удача приходит только к тому, кто к ней готов. Я столько работаю, что она еще ни разу не заставала меня врасплох.